

Короткая жизнь издательства "Картонный домик" прошла и закончилась задолго до начала моей. К тому времени, когда я подросла настолько, что годилась в слушатели, воспоминания об издательстве заслонились в памяти моего отца более поздними. Террор 37-го, война, которую он прошел, как не без гордости говорил, "достойно", военным корреспондентом в действующих летных частях; унижения и нищета "космополитизма". "Картонный домик" канул в прошлое, сжался до размеров елочной игрушки, растворился в милых воспоминаниях юности. Я мало слышала о нем. Теперь я собираю в памяти немногочисленные упоминания, пользуясь заметками отца, которые он делал для так и не написанных им воспоминаний, и домашними записями на магнитофон его устных рассказов, сделанными в разное время В.Д. Дувакиным, мною и моим сыном.

Издательство "Картонный домик" возникло в 1921 году в Петербурге (именовать его согласно официальной версии Петроградом считалось среди интеллигентов дурным тоном). Название имело два адреса: для просвещенной публики ассоциировалось с одноименным стихотворением и повестью Михаила Кузмина и тем ставило себя в контекст литературной жизни того мира, который мы именуем "Серебряным веком", а для остальных намекало на эфемерность и непрочность своего существования - в то время издательства возникали, как грибы, и лопались, как воздушные шары.

Основателем и владельцем "Картонного домика" был Игнатий Игнатьевич Бернштейн, которому в ту пору минуло 20.

Мне трудно представить отца юным. Знаю, что он был стройным и большеглазым. Ольга Форш называла его "Ветка Палестины". Вениамину Каверину запомнился "тоненький, как будто нарисованный одной узкой карандашной линией Игнатий Игнатьевич Бернштейн, молодой, но отважный руководитель издательства "Картонный домик", которое выпустило известный сборник воспоминаний о Блоке и вскоре рухнуло, как картонный домик". Помню присказку Виктора Шкловского: "Когда Саня появлялся в комнате, среди женщин начинался листопад". С фотографии работы Наппельбаума смотрит на меня волоокий романтичного вида красавец - но у Наппельбаума все глядят красавцами. Сани Бернштейна я, по сути, не знала. Для меня отец всегда был: в жизни - Игнатьем Игнатьевичем, как называли его на моей памяти, а в литературе - Александром Ивичем, как подписал он когда-то, второпях, на ходу, газетную, шумевшую потом публикацию и что сделал своим псевдонимом, слепив первую букву имени с тремя последними отчества и узаконив заодно домашнее имя "Саня", неведомо как получившееся из Игнатия, что вызывало постоянные вопросы, на которые он не знал, как ответить. Я и себя всегда (признаюсь, по сей день) ощущала Соной Ивич, что бы там ни значилось в моих официальных бумагах.

Впоследствии отец говорил, что затеял "Картонный домик" для того, чтобы печатать своих знакомых и учителей. Знакомства у него были совершенно замечательные: с Виктором Шкловским он дружил со школьных лет, у Бориса Эйхенбаума учился в гимназии, с Михаилом Кузминым встречался по-соседски раз-два в неделю за чаем, в Доме искусств близко сошелся с Владиславом Ходасевичем, там же наведывался к "Серапионам", еще гимназистом выступил с докладом в ОПОЯЗе ...

Революции 1917-го среди прочих разрушений смели возрастные границы. Ровесник века, Игнатий Бернштейн окончил гимназию между Февралем и Октябрем. Февральскую революцию принял с восторгом, сразу оказался в самом центре событий: в качестве одного из помощников коменданта Государственной думы присутствовал на заседаниях, слушал первые пореволюционные речи Керенского и Миллюкова. Затем служил в охране Временного правительства; потом ему поручили заведовать столовой для военных частей, которые приходили выразить Временному правительству свою преданность. Уж не

знаю, когда он успел сдать выпускные экзамены и получить свою золотую медаль (собственно, медалей в тот год гимназистам уже не выдавали, но свидетельство на право ее получения вручили, его я сама видела). По молодости лет ни к какой партии он не принадлежал, но по убеждениям примыкал к кадетам, поэтому к октябрьскому перевороту отнесся без энтузиазма. Однако и тут поначалу углядел романтические черты, а себе нашел дело, только связанное не с политикой, как в Феврале, а с литературой, точнее, с книгами: комплектовал библиотеки для кораблей Балтийского флота. (Вечное стремление российских интеллигентов нести в народ просвещение...) Так или иначе, посты он занимал и выполнял поручения, ка-

кую работу, которой никто никогда до него не занимался: записал на восковые валики чтение приблизительно ста поэтов-современников, в том числе Александра Блока, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Николая Гумилева, Николая Клюева, Сергея Есенина, Владимира Маяковского - записи требовались для доказательства и разработки уникального архивный памятник: собрал коллекцию в 700 с лишним валиков с записью тогда еще звучащих, но вскоре умолкнувших голосов. Как водилось советские времена, из института Сергея Бернштейна в конце концов уволили "за формализм", коллекцию, над созданием которой он работал де-

желательный. Не буду говорить о нем как о писателе и ученом - об этом достаточно написано - хочу напомнить, что он обладал еще одним талантом: это был удивительный актер. Как он умел изобразить - только не современников, как он блистательно перевоплощался в тех, о ком рассказывал! То, что делал Иракий Андроников, это, я бы сказал, слабое подражание тому, что умел Тьяннов. Андроников - талантливый иммитатор, а Тьяннов - тот создавал образ, показывал тех, кого ни он, ни зрители никогда не видели и видеть не могли. Он, рассказывая о Грибоедове, показывал Грибоедова, рассказывая о Пушкине, показывал Пушкина. А надо сказать, он лицом был слегка похож на Пушкина и, зная это, отпустил такие

ПАМЯТИ "КАРТОННОГО ДОМИКА"

зались бы, не вполне подходящие для шестнадцати-семнадцати лет, а общался и дружил с людьми в два с лишним раза старше себя. Впоследствии он вспоминал о почтеннейшей Ольге Дмитриевне Форш, по прозвищу "Полковник": "Мне кажется, мы как-то разговаривали с нею на равных".

Что касается общения и дружеских связей, то тут кроме общеисторических причин сыграли роль личные обстоятельства. Биография будущего издателя сложилась так, что во многом предопределила разнообразие и богатство его знакомств. Его жизнь началась под знаком трагедии, что читалось в его имени, точнее, в сочетании имени и отчества. У иных народов, у евреев в том числе, существует запрет давать новорожденным имена живых родственников. Те, кто знаком с этим обычаем, знали, что Игнатьем Игнатьевичем Бернштейном мог называться только тот, кто появился на свет после смерти своего отца. Так оно и было. Путейский инженер Игнатий Абрамович Бернштейн, работавший на строительстве КВЖД, Китайско-восточной железной дороги, был убит во время Боксерского восстания, когда подвергся обстрелу с берега парохода, на котором эвакуировали из Харбина российских граждан, за 3 месяца до рождения младшего из своих сыновей. Старший, которому к тому времени не минуло и 9-ти, с первых дней жизни младшего брата стал его опекал и в меру сил воспитывать. Когда я однажды спросила отца, ощущал ли он в детстве, в отрочестве сиротство, он твердо ответил: "Никогда. У меня был Сережа".

Сережа, впоследствии - выдающийся лингвист Сергей Бернштейн, один из основателей ОПОЯЗа, инициатор и создатель отечественной аудиоархивистики, рано повзрослел и сформировался рано. В Петербургском университете, на славяно-русском отделении филологического факультета он изучал общую фонетику и русский язык под руководством Шахматова, Бодуэна-де-Куртенэ и Щербы, поэтику - у Венгерова и Овсяннико-Куликовского. По окончании курса, по представлению академика Шахматова, был оставлен при кафедре русского языка (в то время - редчайший случай: для еврея требовалось специальное разрешение министра) "для приготовления к учебной деятельности", каковою и занимался всю свою жизнь. Исторические катаклизмы, революции, смены режимов мало что меняли для него. Пусть университет, в котором он работает, из Петербургского превращается в Петроградский, затем - в Ленинградский, а он сам из ассистента кафедры общего языкознания - в старшего ассистента и в хранителя Кабинета экспериментальной фонетики, он будет методично, тщательно и неторопливо заниматься своим делом. В двадцатых годах всем приходилось служить разом в нескольких учреждениях, подчас весьма друг от друга далеких. Сергаль Бернштейн твердо держался выбранного в ранней юности пути: кроме университета, работал в Институте Живого слова, в Институте истории искусств (1920-1930) - и тут, и там в звании действительного члена, в Институте литературы и языка Запада и Востока (1922-1923) в качестве "научного сотрудника 1-го разряда". В Институте истории искусств он организовал "Кабинет изучения художественной речи", именно там он проделал уникаль-

сать лет, у него отобрали под тем предлогом, что валики являются "собственностью института", свалили "собственность" в сырой подвал, где бесценные валики годами медленно и неуклонно разрушались.

Но в начале 20-х до этого еще было далеко: Сергей Бернштейн был увлечен новыми идеями, окружен талантливыми единомышленниками и оппонентами, главным образом, из числа членов ОПОЯЗа и Московского Лингвистического кружка, у него появились первые ученики и последователи.

Из рассказов Александра Ивича (с магнитофонной ленты).

Благодаря брату у меня в гимназические годы появилось довольно много знакомых филологов. Товарищем брата по университету был Юрий Николаевич Тьяннов, вместе с которым он посещал занятия знаменитого Пушкинского семинара С.А. Венгерова. Тьяннов бывал у нас, а потом и я с ним подружился и стал бывать у него. Однажды я даже сидел у него в засаде: в 22-ом году искали Шкловского, хотели его арестовать. Он дня три скрывался в Петербурге. Одну из засад устроили в квартире Тьяннова, а я пришел к нему в гости. Просидел у него сутки в большой разношерстной компании: Каверин, молочница, нищий... Мы очень весело провели там время, потом засаду сняли и нас отпустили.

Человек он (Тьяннов. - С.Б.) был замечательный во многих отношениях. Обаятельный. Добро-

желательный. Не буду говорить о нем как о писателе и ученом - об этом достаточно написано - хочу напомнить, что он обладал еще одним талантом: это был удивительный актер. Как он умел изобразить - только не современников, как он блистательно перевоплощался в тех, о ком рассказывал! То, что делал Иракий Андроников, это, я бы сказал, слабое подражание тому, что умел Тьяннов. Андроников - талантливый иммитатор, а Тьяннов - тот создавал образ, показывал тех, кого ни он, ни зрители никогда не видели и видеть не могли. Он, рассказывая о Грибоедове, показывал Грибоедова, рассказывая о Пушкине, показывал Пушкина. А надо сказать, он лицом был слегка похож на Пушкина и, зная это, отпустил такие

профессора и меня, гимназиста. Он ко всем относился равно, благожелательно, и в нем чувствовалась большая душевная доброта.

Лето 1916-го года мы жили на одной даче с Эйхенбаумами, это было в очень красивом месте, в поселке Пухтула Гора близ Териок, а летом 17-ого - вместе в Шувалово, и могли оценить обаяние Бориса Михайловича и мягкость его характера, которая не распространялась только на споры о научных убеждениях. Тут он бывал непреклонен, что приводило иногда к ссорам и охлаждению в отношениях. Когда он работал над книгой "Мелодика стиха", у него были яростные баталии с моим братом, который со многими положениями этой книги не мог согласиться и потом очень резко выступил против нее. Много лет спустя Борис Михайлович подарил брату другую свою книгу с такой надписью: "Были Пухтула, Шувалово, // Только не было "Мелодики". // Десять лет прошло без малаго, // Мелодические годки."

Отношения Бориса Михайловича с моим братом испортились после выхода "Мелодики стиха", а я, наезжая в Ленинград, с ним встречался до последних лет его жизни.

Была ему свойственна и ранимость, неуверенность в себе. Помню одно из моих свиданий с ним, когда он был в тяжелом состоянии, вконец измученный борцами против "формализма и космополитизма", для которых он представлял идеальную мишень, ибо его можно было сладострастно громить и за то, и за другое. Ко времени нашей встречи компания пошла на спад, дела как-то устроились, но он успел утратить веру в свои силы и не мог вернуться к работе. Он мне рассказывал, что он думает о "Герое нашего времени". Я его тогда очень уговаривал, я его умолял немедленно начать писать. И он, действительно, начал писать, написал о "Герое нашего времени", одну из блестящих своих работ.

В самый последний раз, когда я его навестил в Ленинграде, он собирался на защиту чьей-то диссертации об эпосе, и в передней, надевая пальто - просунул руку в один рукав, приостановился, задумался и спросил меня: "Саня, а как вы думаете, что такое эпос?"

Борис Эйхенбаум удоставил гимназиста серьезными профессиональными беседами. Виктор Максимович Жирмунский, когда наведывался в Пухтулу или в Шувалово, приглашал участвовать в профессиональных развлечениях.

...Из неопубликованных воспоминаний и устных рассказов Александра Ивича

Вечерами часто затевалась игра: кто вспомнит больше стихотворных цитат на избранную по общему согласию тему - "реки и озера", "небо и облака", "поле и лес", "цветы", или, к примеру, "предметы мебели" - тут следовало называть все диваны, кровати, столы, стулья, кресла, которые тебе попадались в стихах... Особые ценились цитаты из малоизвестных или забытых поэтов. ... Мы все очень увлекались игрой, а Виктор Максимович был в ней абсолютным, признанным чемпионом. Ни с кем не сравнимый запас стихов в памяти! Мы с братом даже один раз проделали такой опыт. Заранее придумали те-

Из неопубликованных воспоминаний Александра Ивича

Эйхенбаум был человеком удивительно мягким, чрезвычайно

О литературоведце Софье БОГАТЫРЕВОЙ, дочери известного детского писателя Александра Ивича, сохранившего в годы репрессий архив Мандельштама, ходит немало легенд. Сама она к этим слухам относится снисходительно, что-то подтверждает, о чем-то умалчивает. Ее жизнь и впрямь вместила удивительные встречи, знакомства и дружбу с великими. С 1993-го года живет в США.

Читала курсы лекций по русской литературе в Middlebury Collage, University of Wisconsin-Madison, University of London, в настоящее время - профессор Денверского университета. Живя в Америке, часто наведывается в Москву, выступает на литературных вечерах, принимает участие в конференциях и чтениях.

доброжелательным и демократичным. Он был как-то необычайно приветлив, заинтересован в общении с людьми, с друзьями. С совершенно одинаковым вниманием мог слушать какого-нибудь видного

му - кажется, "Бог и ангелы", потом, когда были в городе, пересмотрели множество поэтических сборников, подобрали подходящие цитаты и вернулись на дачу, тщательно подготовившись к турниру. В победе мы не сомневались. Предложили с невинным видом свою тему и - были посрамлены: у Жирмунского цитат оказалось в полтора раза больше, чем у нас! Остальные участники игры, Борис Михайлович Эйхенбаум в том числе, остались далеко позади.

Мы много гуляли и, между прочим, во время прогулок Борис Михайлович и Виктор Максимович импровизировали: сочиняли эпиграммы-пародии на поэтов. Потом Виктор Максимович их записал и - засекретил. Больше никому не давал читать. Они в самом деле были обидные. Невинно-обидные. Пародия на строки Вячеслава Иванова: "Бурно ринулась менада, // Слово лань, // Слово лань," - кончалась: "Написал стихов ты много, // Перестань, // Перестань!"

(На самом деле отец запомнил еще одну, но никогда не произносил ее вслух. Только раз, под нажимом В.Д. Дувакина, спрашивали Вячеслава Иванова: "Бурно ринулась менада, // Слово лань, // Слово лань," - кончалась: "Написал стихов ты много, // Перестань, // Перестань!"

Да простится мне нарушение давнишнего и не мною данного слова.)

Трио, которое основало ОПОЯЗ: Шкловский, Тьяннов и Эйхенбаум встретились в нашем доме. Шкловский в воспоминаниях пишет, что он с Тьянновым познакомился на улице... Может быть, до этого они и встретились. Но вот у меня в памяти остались они трое у нас в доме.

Зато в официальных обстоятельствах Сане Бернштейну приходилось нелегко. Когда в 1920-м основатели ОПОЯЗа стали профессорами Института истории искусств, сдавать экзамены он должен был своим старшим друзьям, а в Университете, где учился в то же время, хуже того - брату. В детстве я не один раз слышала рассказ о том, как он ехал в Университет на экзамен по введению в языкознание на одном извозчике с Сергеем и всю дорогу пытался выведать, какие вопросы тот намерен ему задать. Старший брат был неуомлим, хранил ледяное молчание, держался отстраненно и даже слегка угрожающе, а потом нещадно гонял младшего по всему курсу. Историю я слышала и от отца и от дяди, причем дядя напирал на извозчика, подчеркивая свою доброту (доставлял мальчишку-первокурсника на экзамен с полным комфортом), а отец притворно возмущался его жестокостью, по обыкновению, любящая принципиальностью брата. Сдавать вступительный экзамен В.М. Жирмунскому оказалось куда веселее. Профессор с серьезным видом, предложил один-единственный вопрос:

- Скольких Толстых вы знаете в русской литературе? Дабы не ударить в грязь лицом, абитуриент подробнейшим образом рассказал все, что было ему известно о Федоре Толстом-Американце, пересылая, благо персонаж давал к тому повод, ответ строками Грибоедова, Вяземского и Пушкина, так что экзамен превратился в привычную обоим участникам литературную игру в цитаты, которым они предавались на дачных прогулках.

Софья БОГАТЫРЕВА, Денвер, штат Колорадо

На фото с сайта rusbibliophile одна из книг издательства "Картонный домик" - Кузмин М. Эхо. Стихи